
Сверка,
или
Смерть номинанта
Уютный детектив
Национальная премия «Красный карандаш»
СПИСОК НОМИНАНТОВ
Бахман Г. Л.
Зотова Л. А.
Платонова-Громова Н. С.
Рябов Д. А.
Штольц Э. М.
Серия «Красный карандаш»
книга 24

Милана Панова

Сверка или Смерть номинанта

https://litres.ru/74823322
SelfPub; 2026

Аннотация

Корректору Нине Платоновой-Громовой впервые в жизни вручают премию. Пятеро номинантов приглашены в старинную усадьбу «Чернильница» на «корректорскую ночь»: каждый заперт в своей келье с печью и ночью вычитывает рукопись со ста спрятанными ошибками. Анонимное письмо обещало: один из них не доедет до церемонии. К шести утра легенда профессии Георгий Бахман сидит за столом с красным карандашом в руке. Он мёртв, а его печь заперта снаружи. Подозреваемых четверо, и у каждого есть причина бояться чужого взгляда на свой текст. Нине предстоит найти строчку, которую пропустил самый внимательный человек в России, и понять, сколько она может стоить. Читать можно отдельно от предыдущих частей.

Милана Панова
Сверка или
Смерть номинанта

Сверка, или Смерть номинанта
Серия «Красный карандаш», книга 24

Глава 1. Номинант

Человек, получивший приглашение на премию, должен радоваться. Это правило. Но человек, получивший приглашение на премию с припиской «Один из них не доедет до церемонии», уже радуется с оговорками.

— Нина Сергеевна, — сказала Маргарита Викторовна Дымова, глядя на меня поверх очков. — Я прочитала письмо. Дважды. Вы понимаете, что это значит?

— Что кто-то пишет мне красным карандашом.

— Это значит, что фонд «Красный карандаш» существует. Я проверила. Зарегистрирован два года назад, счёт в хорошем банке, юрист из серьёзной конторы. Они действительно собираются вручить премию корректорам. И я действительно приглашена в жюри.

— Вас пригласили?

— Месяц назад. Я согласилась, потому что подумала: первый раз в истории кто-то собирается наградить людей, кото-

рых никто никогда не замечает. — Она сняла очки и аккуратно положила на стол. — Но теперь я не уверена.

Мы сидели в её кабинете, в то серое январское утро, когда город ещё не проснулся после праздников и по улицам лениво кружил мокрый снег. На подоконнике дремал Эклер, свернувшийся в тёплый бублик, и по его безмятежному виду было ясно, что ни премии, ни угрозы его не касаются. Андрей стоял у окна с чашкой кофе, и по тому, как он держал плечи, я видела, что он уже всё решил и теперь ждёт, когда решу я.

— Вы можете отказаться, — тихо сказала Дымова.

— Могу.

— Я не стану вас уговаривать.

— Вы уговариваете.

— Нет. Я сообщаю вам, что без вас церемония потеряет смысл.

— Почему?

— Потому что вы единственная, о ком этот человек, кем бы он ни был, написал открытку. — Она положила ладонь на папку. — Я познакомилась с условиями. Номинантов пятеро. Все приглашены в усадьбу «Чернильница» под Москвой на два дня: девятого января «корректорская ночь», десятого вечером торжественная церемония. Фонд оплатил проезд, проживание, питание. Нам с вами дадут отдельные комнаты, но Андрей Громов тоже может поехать. Я добилась этого.

— Андрей поедет в любом случае, — сказал Андрей, не

оборачиваясь.

— Я не сомневалась.

— А остальные номинанты? — спросила я.

— Вот список.

Она протянула лист. Я прочла: «Номинанты на Национальную премию «Красный карандаш»: Бахман Георгий Львович, Зотова Лидия Андреевна, Платонова-Громова Нина Сергеевна, Рябов Денис Александрович, Штольц Элеонора Марковна».

— Бахман? — переспросила я. — Георгий Бахман?

— Вы его знаете?

— Все знают. — Я почувствовала, как у меня потеплело на душе. — Это легенда. Тридцать лет он вычитывал «Литературную газету». Говорят, он за одну ночь нашёл шестьсот ошибок в академическом издании Достоевского и заставил переверстать весь тираж. Я читала его «Азбуку корректора» как Евангелие.

— Ему семьдесят четыре.

— И он тоже едет?

— Если не передумает.

— А остальные?

— Элеонора Штольц, главный корректор академического издательства. Говорят, строгая. Лидия Зотова, типографский корректор из области, шестьдесят шесть лет, автор «Книги памяти» на двенадцать томов. Денис Рябов, тридцать один год, звезда соцсетей, ведёт канал «Запятой в чёр-

ном». Миллион подписчиков.

— Миллион подписчиков у корректора?

— Мир меняется, Нина Сергеевна.

Я покачала головой.

— Хорошо. Пятеро. Один из них не доедет до церемонии. Вы думаете, это угроза?

— Я думаю, что это приглашение к игре. — Дымова вздохнула. — Тот, кто купил билеты, любит игры. Он любит, чтобы вы были в самом центре.

— Он знает, что я приеду.

— Он знает вас лучше, чем вам кажется.

Андрей отошёл от окна, сел напротив и взял меня за руку.

— Нина. Я хочу сказать кое-что при Маргарите Викторовне. Чтобы был свидетель.

— Говори.

— Мы поедем. Но не потому, что нас приглашают. А потому что если мы не поедем, он придумает другой способ. Лучше быть там, где можно контролировать, чем здесь, где нельзя.

— Согласна.

— И ещё. — Он сжал мою ладонь. — Я не обещаю, что всё будет хорошо. Я обещаю, что буду рядом.

— Этого достаточно.

Дымова слабо улыбнулась и убрала папку в ящик.

— Тогда вот вам последние инструкции. Машину пришлёт фонд. Девятого, в десять утра, у вашего подъезда. Ба-

гаж лёгкий. Платье для церемонии выберете сами. Эльза Карловна уже в курсе: она сказала, что сошьёт вам что-нибудь «достойное национальной премии».

— Эльза Карловна?

— Я позвонила ей вчера. Она сказала, что в этот раз будет шить быстрее, чем в первый.

— Спасибо.

— И последнее. — Дымова посмотрела на Эклера. — Кот поедет?

— Поедет.

— Я предупредила администрацию. Они согласились, но попросили не выпускать его в библиотеке.

— В библиотеке?

— В «Чернильнице» знаменитая библиотека. Говорят, там собрана коллекция корректурных оттисков девятнадцатого века. Это главная гордость усадьбы.

Эклер, дремавший на подоконнике, приоткрыл один глаз. Потом закрыл.

— Он обещает, — сказала я.

— Он не обещает. Он делает вид.

Утром девятого января за нами приехал чёрный микроавтобус с затемнёнными стёклами. За рулём сидел молчаливый мужчина лет сорока в тёмной куртке, который представился «Павел» и больше не произнёс ни слова. Мы выехали из города в десятом часу. День выдался морозный, ясный, с розовой дымкой на горизонте, и по обочинам стояли белые,

как сахар, ёлки. Андрей держал на коленях переноску с Эклером, Эклер высовывал нос в щель и недовольно принюхивался к чужому запаху. Я смотрела в окно и думала о том, как странно устроена жизнь: ещё год назад я не знала слова «номинант», а теперь ехала на премию, чтобы, возможно, умереть.

— Нина, — сказал Андрей.

— Да?

— Ты вслух.

— Я думала про себя.

— Ты сказала «умереть».

— Это фигура речи.

— Нина.

— Андрей. — Я улыбнулась. — Я пошутила.

— Хорошо.

— Я просто хочу сказать: когда рядом ты, мне не страшно.

— Мне страшно, — признался он. — Но я не покажу.

— Покажи.

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда ты побежишь меня защищать, и всё пропало.

Мы засмеялись. Микроавтобус мягко покачивался на повороте. Через час мы свернули с шоссе на узкую асфальтовую дорожку, обсаженную вековыми липами, и впереди, за белыми кронами, показалось что-то огромное, красное, ве-

личественное: вереница арок, башен, высоких окон, остроконечные кровли, украшенные чугунным кружевом. «Чернильница» оказалась не усадьбой, а настоящим замком, построенным два века назад купцом Шутовым, который, по преданию, мечтал создать лучшую в России типографию. Над главным входом висела вывеска из потемневшей бронзы: «ТИПОГРАФИЯ ШУТОВЫХ. 1842».

— Это что-то сказочное, — выдохнул Андрей.

— Это что-то странное, — сказала я.

— Одно другому не мешает.

Эклер высунул нос из переноски, посмотрел на замок и тихо, с достоинством, одобрительно мяукнул.

Глава 2. «Чернильница»

Нас встретили на крыльце. Первой, как и положено хозяйке бала, к нам навстречу вышла высокая, стройная женщина лет тридцати шести, в строгом чёрном костюме, с идеально гладкими тёмными волосами, собранными в узел, и узкими, красиво очерченными губами. На лацкане блестел значок: красный карандаш, перечёркнутый золотым росчерком.

— Регина Вальдман, — представилась она, протянув тонкую сухую руку. — Координатор фонда. Добро пожаловать в «Чернильницу». Нина Сергеевна Платонова-Громова?

— Да.

— Рада. Мы очень ждали. — Она улыбнулась ровно, вежливо, одним уголком рта. — А это ваш супруг?

— Андрей Громов.

— Капитан. Мне о вас рассказывали. И кот. — Она бросила взгляд на переноску. — Его я тоже ждала. Маргарита Викторовна предупредила.

— Он очень воспитанный.

— Надеюсь. В библиотеке много ценных изданий.

Она сделала жест, приглашая нас внутрь.

В вестибюле «Чернильницы» стояла особенная, густая, торжественная тишина. Высокий потолок с лепниной, мозаичный пол, широкая мраморная лестница с чугунными перилами, фигурные люстры, свисающие, как сосульки, и по стенам портреты в тяжёлых рамах: суровые бородачи в сюртуках, дамы в кринолинах, дети с книгами в руках. Пахло воском, бумагой и чем-то неуловимо горьким: старой типографской краской, которая, казалось, въелась в камень навсегда.

— Это Шутовы, — пояснила Регина. — Три поколения издателей. Самый знаменитый, Пётр Шутов, сам набирал свои книги вручную. Говорят, он мог найти опечатку в тексте, просто положив ладонь на страницу.

— Хорошая легенда, — сказал Андрей.

— Не легенда. История. — Регина слегка улыбнулась. — Пойдёмте, я вас познакомлю.

В большом зале на первом этаже, под высокими арочными окнами, горел камин, стояли кожаные кресла, диваны, низкие столики с чаем и закусками. Там уже ждали. Я узнала

их сразу, хотя никогда не видела в лицо, и мне вдруг показалось, что я знаю их всех с детства.

У камина, в глубоком кресле с высокой спинкой, сидел старик. Невысокий, сухой, с серебряной бородкой клинышком, в старомодном пиджаке с заплатами на локтях и круглых очках в тонкой проволочной оправе. Лицо у него было удивительное: тонкое, живое, всё в морщинках, с огромным лбом и необыкновенно ясными, весёлыми, внимательными глазами, какие бывают только у людей, много читавших и ни разу не разочаровавшихся. На коленях он держал потрёпанную книгу и что-то карандашом отмечал на полях.

— Георгий Львович Бахман, — сказала Регина.

Старик поднял голову.

— Нина Сергеевна, — сказал он негромко, и голос у него оказался тихий, с лёгкой хрипотцой и неожиданной мягкостью. — Я вас знаю. Мне мои студенты показывали заметку про вас. «Корректор раскрыла преступление в типографии». Я обрадовался. Давно ждал, когда наша профессия попадёт в газеты не из-за ошибок.

— Георгий Львович, я ваша читательница. «Азбуку корректора» я знаю почти наизусть.

— Правда? — Он смутился. — А я думал, что её никто не читает.

— Её читают. Просто не говорят.

— Значит, хоть что-то я сделал правильно.

Рядом с ним на диване сидела женщина лет пятидесяти

девяти, прямая как жердь, в тёмно-сером костюме с белым воротничком, с жёстко уложенными седыми волосами и тонкими, крепко сжатыми губами. На коленях у неё лежал блокнот, а рядом, на столике, стоял стакан с водой, из которого она не пила. Взгляд у неё был такой, каким смотрят на плохо вычитанную рукопись.

— Элеонора Марковна Штольц, — сказала Регина.

— Очень приятно.

— Мне тоже. — Она слегка наклонила голову. — Надеюсь, вы подготовились. Мы все профессионалы, но уровень у всех разный.

— Постараюсь не подвести.

— Постарайтесь.

За ними на пуфе у камина, подогнув ногу, сидела полная румяная пожилая женщина в вязаной кофте с узором из оленей, с огромным клубком синей шерсти на коленях и спицами, быстро мелькающими в пальцах. Она подняла голову, увидела меня, и лицо её расплылось в такой тёплой, домашней улыбке, что я невольно улыбнулась в ответ.

— Ниночка! — воскликнула она. — Какая вы красивая! Я Лидия Андреевна, Зотова. Можно просто Лидочка. Я вам сейчас шарфик довяжу, холодно у нас в усадьбе, особенно по ночам.

— Спасибо, Лидия Андреевна.

— Не за что. Я для всех вяжу. Для Георгия Львовича уже связала, смотрите, какой.

Бахман, смеясь, показал тёмно-синий шарф, обмотанный вокруг шеи.

— Спасибо, Лидочка. Тёплый, как дом.

— Для Дениса тоже, — добавила Зотова и подмигнула в сторону.

В углу у окна, на подоконнике, закинув ногу на ногу и качая ботинком, сидел молодой человек лет тридцати: худой, длинный, в расстёгнутой чёрной рубашке и узких джинсах, с растрёпанными светлыми волосами, в больших круглых очках и с иронической усмешкой на тонких губах. Перед ним на подоконнике лежал телефон, на который он то и дело поглядывал.

— Денис Рябов, — сказал он, не вставая. — «Запятой в чёрном». Но можно просто Денис. Я тот, кого вы видели в соцсетях и решили, что это шутка.

— Не видела.

— Тем лучше. — Он улыбнулся. — Нина Сергеевна, я читал про ваши дела. Скажите честно, это правда, что вы ловите убийц по запятым?

— Иногда.

— Блеск. Я бы снял контент.

— Денис, — сухо произнесла Штольц. — Мы собрались не для контента.

— А для чего?

— Для работы.

— Работа тоже контент, Элеонора Марковна.

Она поджала губы. Бахман тихо рассмеялся в бороду.

— Мальчики и девочки, — сказал он. — Не ссорьтесь. Нам вместе ещё ночь коротать.

— Вот и коротайте, — сказала Регина. — А пока прошу к столу. Чай, закуски. В шесть вечера начнётся инструктаж, после чего вы разойдётесь по комнатам.

Она ушла. Мы остались впятером, плюс мы с Андреем и Эклером. Андрей тихо отошёл к окну, делая вид, что рассматривает вид на парк, но я видела, как он быстро, незаметно перебирает взглядом комнату, выходы, углы, лица.

— Нина, — шепнул он, возвращаясь. — Я насчитал четыре двери и одно окно, которое не открывается.

— Ты всегда считаешь.

— Привычка.

— Я знаю.

В зал вошла Маргарита Викторовна Дымова в сопровождении двух человек: сухого, высокого, лысоватого мужчины лет шестидесяти, с орлиным носом и вечной усмешкой, и женщины около пятидесяти, в бархатном платье цвета бордо, с копной медных волос и тонкими пальцами, унизанными кольцами.

— Жюри, — сказала Дымова. — Знакомьтесь. Аркадий Лесной, критик. Нателла Остерман, поэт.

Они кивнули. Лесной окинул нас оценивающим взглядом и произнёс густым баритоном:

— Хочу сказать сразу: я человек строгий и несентимен-

тальный. Но корректоров уважаю. Я пишу рецензии тридцать лет, и ни разу мне не удалось сказать то, что я хотел, без того, чтобы кто-нибудь не поправил запятую.

— Вот видите, — сказал Бахман.

— И это правильно, — сказал Лесной. — Иначе мы бы все давно утонули в собственной небрежности.

Нателла Остерман улыбнулась неожиданно робко и негромко сказала, обращаясь ко мне:

— Я читала ваши заметки о Лермонтове. Вы очень точно заметили: «Он писал так, словно знал, что времени мало».

— Спасибо.

— Я только процитировала. — Она слегка покраснела. — Хотелось сказать.

Ужин в первый вечер оказался тихим и немного торжественным. Нам накрыли в малой столовой, длинной, с дубовым столом и огромным камином, и подали фаршированного судака, жареную картошку с грибами, пироги, ягодный морс. Бахман рассказывал истории из жизни «Литературки»: как он в семидесятых годах поймал в передовице Брежнева слово «апогей», написанное через «о», и как редактор, бледный, с дрожащими руками, заклинал его никому не говорить. Зотова вязала, смеялась и всё время тихонько мурлыкала себе под нос одну и ту же военную песню, «Тёмную ночь». Рябов отпускал едкие замечания. Штольц молчала, изредка бросая на нас оценивающие взгляды. Лесной и Дымова обсуждали критерии премии. Остерман тихо читала

стихи, обращаясь ко мне.

Я слушала всё это, и вдруг поймала себя на странном ощущении: мне хорошо. Хорошо в этой огромной, холодной, торжественной усадьбе, среди чужих людей, которые вдруг стали почти своими. Мне захотелось, чтобы вечер длился долго. Чтобы никто не уходил.

— Нина, — шепнул Андрей. — Ты улыбаешься.

— Знаю.

— Это подозрительно.

— Почему?

— Потому что обычно ты улыбаешься перед тем, как что-нибудь случится.

— Андрей, не каркай.

— Я не каркаю. Я констатирую.

Эклер, лежавший на соседнем стуле, приоткрыл один глаз и посмотрел на нас с мягким, чуть насмешливым осуждением. Потом снова закрыл.

Позже, когда гости потянулись в зал, ко мне подошёл Бахман. Он держал в руке чашку с чаем и всё ещё казался слегка смущённым.

— Нина Сергеевна, можно мне сказать вам два слова наедине?

— Конечно.

Мы отошли к окну. За стеклом сиял снежный парк, подсвеченный фонарями, и вдалеке, на льду пруда, сидели две вороны.

— Вы знаете, — тихо начал он, — я не ради премии сюда приехал. Мне семьдесят четыре. Премия мне не нужна. Я приехал, потому что мне прислали письмо. Анонимное. Там было написано: «Георгий Львович, вы всю жизнь вычитывали чужие тексты. Но один текст вы пропустили. Приезжайте и прочтите».

— Какой текст?

— Не знаю. — Он развёл руками. — Я думал, это шутка. Но письмо было напечатано на старой бумаге, с типографскими полями. И почерк в приписке… — Он замолчал.

— Какой почерк?

— Красным карандашом. Я видел такой один раз. Давно. В пятидесятых годах. — Он посмотрел на меня. — Вы же получили такое?

— Да.

— И вы знаете чей?

— Он принадлежал умершему человеку. Но человек, который пишет сейчас, не он.

— Конечно, не он. — Бахман вздохнул. — Нина Сергеевна, будьте осторожны. Я старик, мне терять нечего. Но вы молоды. Вы замужем. У вас кот.

— Георгий Львович, я осторожна.

— Нет, — сказал он ласково. — Вы корректор. Вы не умеете быть осторожной, когда видите ошибку.

Он улыбнулся, пожал мне руку и ушёл. Я смотрела ему вслед, на сгорбленную спину, на тёмно-синий шарф, обмо-

танный вокруг тощей шеи, и мне вдруг стало холодно, как в первые минуты на вокзале.

— Это он, — шепнула я Эклеру.

— Кто?

— Тот, кто не доедет.

Андрей, подошедший сзади, обнял меня за плечи.

— Нина. Не надо.

— Почему?

— Потому что ты уже всё решила. А ты не знаешь.

— Я просто предчувствую.

— Предчувствие — это не улика.

Я кивнула. Но внутри меня что-то тихо, настойчиво, отчётливо звенело, как медный колокольчик.

Глава 3. Ночная корректура

В шесть вечера нас собрали в Наборном зале: длинном помещении с кирпичными сводами, где когда-то стояли кассы со шрифтами, а теперь тянулись три стола под зелёным сукном, и на каждом лежали аккуратные стопки бумаги, красные и синие карандаши, ластики и лупы. Стены были увешаны старыми гранками в рамках. Под каждой подпись: год, фамилия корректора. Я нашла 1861-й и подумала, что люди, которые держали эти листы, давно умерли, а ошибки, которые они ловили, живут по-прежнему.

Регина Вальдман стояла у стола с указкой, как учительница на экзамене.

— Правила простые, — сказала она. — «Корректорская ночь» длится с восьми вечера до шести утра. Каждому из вас выделена келья. Так её называли ещё Шутовы: маленькая комната при наборной, где корректор работал в одиночестве, чтобы его никто не отвлекал. Кельи расположены в Наборном коридоре на втором этаже, их пять, они пронумерованы римскими цифрами. В каждой стол, лампа, койка на случай, если захочется прилечь, и чугунная печь. Дрова уже заложены. Топить будем с вечера до утра, зимой в этих стенах без печки не выжить.

— А электрическое отопление? — поинтересовался Рябов.

— Есть. Оно в бальных залах. В кельях только печь. Шутовы считали, что корректор должен чувствовать живой огонь.

— Корректор должен чувствовать, что у него есть розетка для телефона, — сказал Рябов.

— Телефоны сдаются на ночь мне, — ответила Регина без улыбки. — Таково условие фонда. Вы работаете с бумагой, без связи.

Рябов картинно вздохнул, достал из кармана смартфон, положил на стол, и я заметила, что он слишком быстро и слишком равнодушно выпустил его из пальцев. Так люди расстаются с вещью, которой у них две.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.